

Оксана Колабская

ВЕЛИКИЕ СОЗИДАТЕЛИ
рассказы старого сверчка

Москва
Издательство «БПП»
2010

Текст представлен в авторской редакции,
орфографии, пунктуации

Старый друг Сверчок продолжит свои рассказы для маленьких и взрослых читателей о знаменитых людях России

ДУХОВНЫЕ СЕМЕНА

НАДЛЕЖИТ МНЕ ПО СВЕТУ РАССЕЙВАТЬ...

Наш старый мудрый друг Сверчок сидел на каминной полочке в своей каморке с очагом и грустно вздыхал. Среди огромных стопок книг Сверчка даже не было видно. Только маленькие закрученные усики то и дело мелькали между многочисленных книжных страничек

— Книги, книги... Кругом книги! Сколько книг! В наши дни книгу можно дешево купить и так же легко выбросить! Печатают, печатают, порой совсем не то, что заслуживает печати... Ах, мои дорогие друзья, печатать книги так сложно! Если бы вы только знали, как создается книга! О, я вам сейчас расскажу! — Сверчок оживился и улыбнулся. — Вам ведь это интересно, я знаю! Я расскажу вам, мои дорогие, о русском первопечатнике Иване Федорове. Тогда книжное печатное дело только начиналось на Руси.

Ванятка очень спешил. Узкая проселочная дорожка, хоть и извилистая была, но зато верно до школы вела. До школы! Да, Ванятка шел в школу. В первый раз. «В шко-олу! В школу!...», — тихонько напевал новоявленный ученик, и крепкие ножонки быстро шагали в такт этой веселой песенке. Ему, Ванятке наконец-то исполнилось семь лет. В школу и раньше можно было. Но батя не пускал. Мал еще, мол. Ходить далеко. А Ванятке давно не терпелось читать выучиться. Все он в толк не мог взять, как это закорючки хитросплетенные да

рассказывать умеют истории о Святых, о князьях славянских, о заморских странах? Чудеса! Да и где взять-то эти рассказы? Книга – такая редкость! И много-много денег стоит. Разве может батя позволить себе такую роскошь? Ванятка тяжело вздохнул. «Ну да ладно. Для начала читать выучусь, а там видно будет...»

Все скамейки были уже заняты, когда Ванятка осторожно отворил старую тяжелую дверь и протиснулся в избу. Учитель, дьякон Алексей из приходского храма, строго взглянул на опоздавшего.

— Так-так, — он выразительно постучал пальцем по скамье, на которой сидел. — Чей же ты будешь?

Ванятка не мог вымолвить ни слова. Так и стоял, вытаращив на Алексея свои огромные голубые глазищи.

— Занемел чай? — шепнул кто-то. Из угла хихикнули.

— А может он блажной? — опять хихикнули.

— А ну молчать там! Вот вызову Псалтырю читать, вместе и повеселимся! — пригрозил Алексей и вдруг так ласково взглянул на Ванятку, что Ванятка неожиданно для себя выпалил:

— Иван я, Федора ремесленника сын, учить буквицы пришел! — и почувствовал как щеки, словно огнем залило. Мальчишки снова захихикали. Алексей грозно свел брови. Все мгновенно стихло. «Ох, и смеяться надо мной будут», — досадливо подумал Ванятка. Да еще и сидеть на полу пришлось, на половошнике, на специальном половичке таком, постеленном для тех, кому места на скамьях не хватило. «Завтра раньше всех приду, скамью займу», — твердо решил Ванятка. И никогда более не опаздывал.

Буквицы учить оказалось не так уж просто. Длинные имена у них, у этих букв: Аз, Буки, Веди, Глаголь, Добро, Есть, Живете, Зело, Земля... И много их, сорок три закорючки диковинные! Никак Ванятка запомнить их не мог. Уж и зима прошла, и ручьи весенние радостно зажурчали, а Ванятка все с азбукой бьется. Никак она ему в голову не идет. Закорючки закорючками. То сливаются все в одну кучу, то путаются... Как тут упомнить всех! Совсем выбился из сил Ванятка, даже играть не мог. В школу ходить не хотел. Там дьякон Алексей шутки не шутит. Лозой по рукам лупит за невыученный урок. И Ванятке тоже не раз доставалось. Отец давно рукой махнул. Видно неспособный к знаниям сынок. Что ж тут поделаешь. А Ванятка молился, со слезами помощи Божией просил, чтобы даровал ему Господь разумение. И вот как-то раз бабушка поповой дочки Иринки, что в большом доме жила на краю деревни, рассказала о цветке волшебном, который удачу да счастье приносит тому, кто найдет его! И даже картинку показала с цветком этим. Картинка старая, потрёпанная. А цветок хорошо видно. Действительно, не похож цветок этот на обычные цветы, что в поле растут. Изящный, изогнутый, с маленькой, будто коронкой наверху! А когда Ванятка урок сел учить, взгляделся он в буквицы и вдруг... разглядел! Глазам своим не поверил. Вот он, цветок тот, буквой «Кси» называется! И коронка над ним! Ванятка долго-долго смотрел на буквицу не отрываясь, боялся, что исчезнет она. «Чудо какое! Чудочудное! Диво-дивное!», — шептал Ванятка, громко шмыгая носом и смахивая с глаз нахлынувшие вдруг радостные слезы, мешающие выписывать буквицу на

берестяной коре. Буковка сразу и запомнилась. Вот счастье-то, вот удача! А тут и другие буквы раскрылись. У Ванятки словно пелена с глаз упала. «Добро» на домик добрый справный похожа, а «Зело» — на змейку, что намедни у ручья видел. «Иже» — на солдата, что батя недавно вырезал из ненужного ему брусочка. А «Ферт» — Ванятка хихикнул — на Иринку. Уж больно руки в боки любит делать, косицами трясти да на Ванятку глаза щурить. С радостью великой бежал Ванятка в школу.

— Так-так, Федоров, справно урок выучил. Ишь, буквки написаны ровные да ладные. Одна другой лучше, — не скупился на похвалу дьякон Алексей.

С тех пор так и пошло. Стал Ванятка лучшим учеником. Читал бойчее всех, а уж писал буквицы и того лучше. Одно плохо, книги тяжело достать. Редкость большая. И дороги они, книги-то. Вручную писцы да монахи днями и ночами книги переписывали. Дьякон Алексей очень берег книгу, по которой читать учил. «Псалтырь» называется. В ней псалмы, то есть песни, прославляющие Бога, которые написал великий псаломпевец царь Давид. Книга огромная, толстая. Дьякон тщательнейшим образом руки проверит, прежде чем ученику предложить прочесть отрывок священной книги. «Книге этой цены нет!», — любил повторять Алексей. А еще он говорил, что «книжная премудрость подобна есть солнечной светлости...». А еще, что «в книгах — несчетная глубина, ими мы в печали утешаемся...».

Да, ценили люди книги. А какие красивые они были! В кожаных сафьяновых окладах, с золотыми за-

стежками. Ванятка видел такую книгу в Кремлевском храме. Это была Библия. Книга книг. Ванятка сколько помнил себя, столько и знал об этом. Долго смотрел на книгу Ванятка. Любовался драгоценными камешками на окладе. Как они весело играли в солнечных лучах, светивших в узкие окошки храма. И думал, думал, и никак не мог надивиться — сколько же труда приложил пи-сец-монах, чтобы книгу эту переписать, да ровно, без ошибок, чисто и аккуратно, чтоб буква буквке равнялась. Одна буква заглавная чего стоит! Буквы заглавные узорами изукрашены, словно кружево вытканы. А сколько книг этих надо, чтобы всем храмам да монастырям хватило. И не только. А школам, а простым людям. Вот и батя Ваняткин дюже знать желает про страны другие, государства неведомые. Про устройство Земли, про историю земли Русской. Видел книги такие на ярмарке, да разве купишь. Так много денег стоит — табун лошадей купить можно! А ведь если из дерева буквицу-то вырезать, да и в краску опустить, а потом на бересту приложить, тогда не надо стараться каждый раз одинаковую букву выводить, столько сил и времени тратить! Долго возился Ванятка, прежде чем из брусочка отцова «Аз» вырезать, да с ручечкой, чтобы прикладывать было удобно! Все руки порезал, маменька только охала и настойку из подорожника прикладывала к порезам. Зато вместо краски, которую тоже изготовить нужно было, кровью своей попробовал оттиск сделать. Все равно уже порезался. И сколько радости было, когда «Аз» осталась на кусочке бересты. Бледненькая, кривенькая, еле уловимая, но осталась же...

Ванятка со всех ног бежал к дьякону Алексею.

— Ты это оставь! — строго сказал Алексей и нахмурился. — Немцы-бусурмане этим делом занимаются. Не Божье это дело. Нельзя.

— Но как же, батюшка, — Ванятка опешил. — Ведь буквиц можно много вырезать, набирать текст в рамочки такие, чтобы буквицы не расползались и оттиски делать. Это ведь и быстрее и удобнее. И сколько книг можно было бы сделать! И без ошибок, коли внимание Бог даст.

— Забудь, слышишь. Тебя умом и старанием Бог не обидел. Вот и благодари Его Владыку. А самовольить не смей! Писание книг — душе во спасение. А печатанье — ересь! — Алексей в волнении отвернулся к окну. — Забудь...

— Но батюшка... Почему?.. — У Ванятки выступили слезы, обида душила его. Он так старался, он придумал, Бог просветил его. И сил бы не пожалел, и жизни своей ради такого дела...

Алексий резко повернулся, схватил Ванятку за плечи... Ванятка зажмурился, ожидая удара.

— Да пойми ты! — Алексей смотрел с такой скорбью, что Ванятка испугался не на шутку. — Пойми. Там в немецких и фряжских землях давно книги печатают. Да не православные они. Еретики. Латиняне. Знаешь, что с тобой здесь сделают, если узнают про помыслы твои! — глаза Алексея будто горели. — Не дай тебе Бог когда-нибудь узнать... — Алексей вздохнул и снова отвернулся к окну. — Так то вот, отроче. Не мал ты уже, Иване. Школу заканчиваешь. Намерен я рекомендовать тебя писцом в Гостунскую церковь, что в Кремле. А про печата-

ные забудь. Ну иди с Богом... — Алексей тихонько подтолкнул ошалевшего Ванятку к выходу. — Иди...

Несколько лет прошло, прежде чем Ванятка стал настоящим писцом. Сколько сил было затрачено, сколько слез пролито тайно, чтоб никто не увидел, сколько дум передумано, прежде чем сумел Ванятка овладеть определенными шрифтами «полууставом», «покоем», которыми книги писались. Ванятка за это время вырасти успел, возмужать. Да, и Ваняткой его уже назвать нельзя. Превратился Ванятка в Ивана добро-молодца статного да ладного. А глаза такими же голубыми-голубыми остались. И мечта его той же осталась. Чтоб в каждом доме были книги, да чтоб интересные, содержательные, духовно полезные. А для этого печать осваивать надо. Иван у заезжих купцов интересовался, иностранные книги просматривал. Даже буквы из олова и свинца начал лить вместе с пушкарями, рискуя навлечь на себя страшные неприятности.

Но тут случилось невиданное. Много-много раз вспоминал потом Иван Федоров момент этот, со всеми подробностями, вспоминал в самые трудные минуты жизни своей, когда гнали его за ремесло его, когда нищенствовал с сыночком своим, скитаясь по чужим краям, когда заболел страшно, когда умирал в одиночестве и бедности среди ростовщиков, требовавших возвращения долгов... Вспоминал с подробностями, как появился у дома гонец. Да не простой гонец, а царский. Да с приказом от самого царя Ивана Грозного: «Отправляться Ивану Федорову писцу из Гостунской церкви сейчас же ко двору за надобностью печатню в Москве устраивать». Так и объявили: «Печатню устраивать».

Сколько ждал этого, сколько молился Иван. И вот оно счастье, вот она удача, цветочек диковинный!

С утра до вечера пропадал Иван в своей печатне. Раненько утром, еще только петух пропоет, открывал он тяжелый замок тесной темной избы. И каждый раз с большой любовью хозяйским глазом окидывал все углы. Поглаживал печатный станок. Проверял стол с наборными досками и литерами металлическими, скамьи со стопками чистой бумаги. Снимал высохшие листы напечатанные, подвешенные под потолком для просушки на веревочке. Вот он, дом его родной. И нет другого. Перекрестившись, Иван принимался за работу. Брал шерстяной на длинной ручке мешочек – маца называется — обмакивал ее в краску, набивал на укрепленную на нижней доске печатного станка форму, накладывал на форму чистый лист, нажимал на верхний рычаг и... с формы снимал отпечатанную страницу! Потом снова маца, лист, нажим, страница... И так до вечера. Но, самое сложное, было печатать в две краски. Иван мог бы печатать только черной краской, а раскрашивать заглавные буквы от руки. Но нет! Он освоил способ печатать в два прогона. Закрывал набранные литеры воцаной бумагой с «окошечками» для заглавных букв, отпечатывал их красной краской, потом снимал бумагу и отпечатывал остальные. Удивительные книги получались. Красивые, аккуратные. А главное, много да быстро можно книг печатать для просвещения старых и малых. Правда, бумага больно дорога. Своего производства еще не наладили и привозили ее из Германии, из франкских и фряжских земель. Бумагу приходилось беречь пуще ока. Поэтому не дай Бог испортить

страничку. Иван Федоров и не портил. Старался, как мог, чтоб «берега» — свободные пространства по краям страницы — были идеально ровные да белые, без единой неопрятной капельки. Да, «умом и старанием Бог не обидел...» Это дьякон Алексей точно приметил. А книги Ивана Федорова «Апостол», «Евангелие учительное» и «Азбука», созданная «ради скорого младенческого научения», и по сей день живы. С ними, с книгами этими чудесными, можно лично познакомиться в Музее Книги в Москве. Лежат они большим толстым стеклом охраняемые от разрушительного действия времени и берегут память об удивительном человеке, первопечатнике русском Иване Федорове, который жил, чтобы духовные семена, которые по свету рассеивал, и до нас долетели.

КАМЕННЫХ ДЕЛ МАСТЕР

— Любите ли вы строить дома для себя и для своих игрушек? Из чего? Из бумаги, из картона, из конструктора! Из одеял и подушек, наконец!

На полочке Сверчка возвышался домик из тонких прутиков. Домик подходил для мышонка или для гномика среднего роста. Покатая крыша была покрыта ореховой скорлупой, а в аккуратных окошечках виднелись беленькие нарядные занавесочки. Сверчок как раз заканчивал трубу.

— Сегодня я вам расскажу о человеке, который из камня создавал чудеса. И в этом вы сами можете убедиться. Слушайте же!

Москва. Середина 18 века. Зимний день. Безветренно, солнечно, тепло. Снег мягкий, липкий. Мальчишки в теплых тулупчиках, валенках, шапчонках с энтузиазмом катают ком за комом и водружают их друг на друга. Получается снежная баба — чудо как хороша! Глаза-угольки, нос-морковка, на голове — старое дырявое ведро. «Давай в снежки!» — слышится призывный клич. Салютом рассыпаются снежные комки... «На, тебе, на! Врешь, не попадешь!» — звенят чистые мальчишеские голоса. Вдруг... «Ой!» — угодили в причетника придворной церкви. Прямо в бороду! «Да это ж Васьки Баженова отец! Вот будет дело!» Действительно, это Иван Федорович Баженов со службы возвращается. Устало и раздраженно грозит мальчишкам. Те исчезают в одно мгновение, рассыпаются в разные стороны, словно горох. Но один из мальчиков, казалось, не слы-

шит ничего вокруг. Его и не было заметно во всей этой кутерьме. Он лепит... но не снежную бабу... Причетник торопливо подходит ближе — хоть одного за ухо отрезать!.. Батюшки, да это ж Васька! И опять бездельничает! Читать, писать не хочет. Только малюет. «А ну я тебя! Марш домой заниматься! Часослов учить!» Мальчик медленно поднимает на отца свои огромные темные глаза. Они светятся каким-то отстраненным светом. Причетник резко хватает сына за руку, случайно переводит взгляд на лепнину и...осекается. Да это ж наш храм! Истинный Крест, храм Иоанна Предтечи, что в Кремле! И купола, и окна дугой, и ворота резные, даже кресты на куполах. Храм, только маленький. Чудо! Только что с этим чудом делать. Эх! «Все пустое, сынок, учиться надо, Священное писание читать, да служить идти. Вот дело настоящее, надежное, нужное. А это что?! Снег-то растает, что останется? Пустое это все... Пустое... Ну пойдем, пойдем домой, эх...»

Но «пустым» делом Вася Баженов заниматься не перестал. Просто не мог перестать. Зимой лепил из снега, летом на песке и земле рисовал, а если попадался где обрывок бумаги, то счасть юного художника не было предела. Однажды даже перетаскал к себе обломки камней, оставшихся от надгробной плиты, «сделал гвозди, на подобие долот, и ими вырезывал личины...» Отец видел пристрастие сына. Учителя ему надо. А где денег-то взять? Но Вася Баженов твердо знал свое призвание. «Я отважусь здесь упомянуть — что я родился уже художник».

Упрямо и четко шел Василий Баженов по предначертанному ему пути. Как начал еще с детства разные

особо любившиеся здания и храмы с натуры срисовывать, так всю жизнь свою строительству зданий и храмов посвятил. Может быть, князь Дмитрий Васильевич Ухтомский, известный архитектор, «московский Растреллий», создатель в Москве первой архитектурной школы, за этим занятием и подобрал мальчика? Кто знает... Поработав с Васей Баженовым на восстановлении после пожара Головинского дворца, убедился Ухтомский в его трудолюбии, твердом стремлении стать каменных дел *мастером*, таким мастером, которому в этом деле будет все подвластно! И устроил юношу в Московский Университет учиться. А потом была «Академия трех знатнейших художеств», где проявил себя как самый способный ученик. Потом – Академия художеств в Санкт-Петербурге, в которой проучился всего полтора года и был назначен в помощники к самому обер-архитектору Растрелли! Потом – поездка за границу, опять в качестве лучшего студента! В результате — диплом Парижской Академии, золотая медаль и поездка в Рим. Что может быть лучше для такого пытливого, восприимчивого ученика, готового трудиться без усталы дни и ночи! Колонны, портики, развалины античных храмов. В перерывах — отдых. Рисунки в альбоме. Веселые, словно живые птицы, щебечущие на изогнутых ветках заморских деревьев, пляшущая наяда с виноградной лозой... И вновь, без усталы по тысячи раз отработывая каждый штрих, каждую черточку — развалины Колизея, величественная колоннада собора св. Петра, замок св. Ангела. Рисунки, чертежи, замеры, проекты, макеты, эскизы. И опять – высшая степень похвалы Римской Академии! Ему, двадцативосьмилетне-

му зодчему, было присвоено звание академика архитектуры и предложено место профессора. Еще не бывало, чтобы русского удостоивали такой привилегии! Мало того, Флорентийская, Клементинская и Болонская академии избрали его своим членом. Ему рукоплескала Парижская Академия. А это уже мировая слава. Он мог бы остаться за границей. Мог бы безбедно жить и работать в признании и любви. Мог бы... Да не смог. Его звала Россия. И он очень торопился вернуться, чтобы подарить ей неповторимые здания, каких еще никто никогда не строил и никогда не построит без него. Они удивительны, эти здания. Они величественны, и в тоже время изящны. Они монументальны, но, все в них стремится ввысь. Они прочны, но, кажется, что сотканы какими-то сказочными кружевницами из тончайших нитей. Они не поддаются описанию...

Даже не верится, что этими зданиями можем любоваться и мы с вами. Вот так запросто прогуляться по Москве и внимательно рассмотреть знаменитый дом Пашкова. Признайтесь — мимо пробежали не раз и порой даже не подняли на него глаз. А ведь это дом-шедевр, дом-праздник! Его, мои дорогие, называли «волшебным замком»! Да-да, именно, «волшебным»! Рассказывали, что белый камень, из которого построен этот необыкновенный дом, откликался на свет, на изменения в природе. В сумраке — синел, на рассвете — золотился, в полдень казался белоснежным, даже прозрачным. А ночью... Ночью освещенный десятками газовых фонарей и лампионов, дом, казалось, величественно парил над низенькой тогда деревянной Москвой. Все в нем было необычно, загадочно. И сад с замор-

скими птицами – павлинами, попугаями, китайскими утками. И причудливый фонтан, и просторный гостеприимный двор. И купол дома, расположенный в верхних этажах, откуда можно было обозреть взглядом всю Москву! А, может быть, чудо-дом сохранил свои необыкновенные качества и по сей день?! Стоит только внимательно присмотреться к нему, и воспоминания оживут и «...приведут с собой, кого смогут...» Совсем как в сказке Г. — Х. Андерсена про Старый дом. Помните?..

А усадьба в Царицыно! Вот там-то совершенно точно живет сказка. Аккуратные каменные дорожки приведут вас сначала к изящному мостику, перекинутому через пруд. И пруд, как вы догадываетесь не обычный. В нем живут... русалки! Но тише! Никому не говорите, это большой секрет. Русалки иногда выбирают на заросший деревьями островок и тихонечко хихикают. Правда, о чем они хихикают, так до сих пор и не удалось выяснить... А еще — вы не поверите, но это чистая правда! — пруд иногда теплыми весенними вечерами становится Лебединым озером! На зеленый живописный берег грациозно опускаются лебеди и превращаются в прекрасных девушек, которых когда-то заколдовал злой колдун. Помните эту трогательную историю о девушке Одетте и благородном принце Зигфриде? Да, в этой необычной усадьбе воистину обитают самые лучшие сказки мира! Любое здание напоминает волшебный дворец, в котором живут сказочные короли и королевы, цари и царевны, добрые феи, все-мощные волшебники и прочие наши стародавние знакомые из любимых книг. Просто невозможно оторвать глаз от этих чудных построек! Ваш восхищенный взгляд

скользит по изящнейшим Фигурным воротам, приветливо открывающим вход в парк. Башенки-туры, стрельчатая арка, белая резьба... Ощущение необыкновенной хрупкости. Но ведь ворота *каменные*, удивитесь вы, мои дорогие! Да-да, каменные. Но Василий Баженов истинный художник. И руки его — золотые. Поэтому мог даже из камня сделать кружево! Посмотрите на Оперный дом. Строгий, элегантный, он скромно стоит в тени деревьев и ждет нас с вами. С достоинством, даже чуть снисходительно принимает он наши восторги по поводу его поэтической внешности. Красный кирпич и белокаменная резьба... А нарядный Хлебный дом! Он хоть и приземист, но удивительно изящен! Он буквально изрезан множеством стрельчатых окон. А ведь это просто кухонный дом, где стряпали, варили, жарили и парили! И арка, соединяющая Хлебный дом и дворец... Какой удивительной красоты это странное сооружение! Может быть, Василий Баженов срисовал его с кокошника самой настоящей Снегурочки? Или такие затейливые наличники на окнах в хоромах самого Деда Мороза?! А мосты! По ним в пору ходить только королеве! Кстати, эта усадьба и была построена по величайшему повелению ее величества Екатерины Второй! Любила она посещать свою загородную подмосковную резиденцию да отдыхать, любуясь удивительной красотой и абсолютной гармонией вокруг...

А можно, мои дорогие, махнуть в Быково в усадьбу М. И. Измайлова и восхититься церковью небесной красоты. Она вся устремилась вверх, и ее тонкие шпили и кресты где-то высоко-высоко среди облаков. Настолько в ней сильно выражено страстное стремление

человеческой души достичь небывалых духовных высот. Далеко не каждому это удастся. Но Баженову удалось. Жизнь его была сложной. Были и тяготы, и лишения, предательство, и болезни, и разочарования. Но Василий Иванович не сдавался. Никогда! Он бесконечно много работал, не смотря ни какие чудовищно трудные испытания, выпавшие на долю этого неповторимого архитектора и добрейшего человека! Чертил, проектировал, строил, до изнеможения, до слепоты, но с великой любовью. И сколько их было этих радостных минут, часов, дней, отданных на создание сказки из камня и кирпича, до сих пор приводящей в восхищение нас с вами, мои дорогие. Многие его замыслы остались лишь на бумаге в виде чертежей! Нам, к счастью, известны и понятны его светлые помыслы, его грандиозные мечты. Его Кремлевский Дворец должен был стать очередным чудом света! Баженов хотел обновить центр своей любимой родной Москвы, но при этом сохранить старые древние постройки. И не просто сохранить, а подчеркнуть их величие и красоту. Пять лет он без устали работал над этим проектом. Изменял, дополнял, переделывал. Но, увы... Сплетни, зависть, интриги сделали свое дело. А сколько этих неосуществленных проектов! Но здания его вопреки всему живут и поныне. Да-да, живут. Потому что в них «заложена» душа, красивая, добрая, светлая душа художника Василия Ивановича Баженова. Эх, знал бы отец, Иван Федорович, он бы порадовался. Вот тебе и «пустое» дело...

ВЕЛИКИЙ СТАРИК

Сверчок играл на трубе! И не какую-нибудь романтическую мелодию, а военный марш! Вот это да! Такого от Сверчка никто не мог ожидать!

— Да, мои дорогие друзья, я был знаком с самим Михаилом Илларионовичем Кутузовым! О-о! Однажды он, как и вы, мои дорогие, гостил у меня в каморке. Мы чаёвничали! Да как! За окном хозяйничала вьюга, а мы вот у этого горячего камина рассказывали друг другу ... Вернее, он рассказывал, а я слушал, слушал и наматывал на свои усики всё, что поведал мне этот гениальный старик. И теперь могу поделиться с вами, хотя прошло уже почти два века! С тех пор я люблю военные марши и освоил игру на трубе...

Михаил Илларионович Кутузов действительно был гениальный старик. Высокого роста, статный, седовласый, к старости чуть располневший, но удивительно обаятельный! А орденов-то на груди... видимо-невидимо! Еще бы! Светлейший князь Смоленский, генерал-фельдмаршал. Участник войны с поляками, русско-турецкой войны. Один из героев взятия Измаила. Посол в Константинополе, командующий войсками в Финляндии. Военный губернатор Санкт-Петербурга. Главнокомандующий в войне с турками. И главнокомандующий русской армией в Отечественной войне 1812 года. И, наконец, благородный, любящий отец и добрый дедушка, обожающий своих внуков. Им восхищались старый да малый, и все любили до безумия. И никто не обращал внимания на черную повязку, при-

крывавшую правый глаз. Изуродованное на войне лицо его не препятствовало любви и безграничному уважению к этому, воистину, великому человеку! Как же повезло тем, кто знал его лично! Тем, кто смеялся и горевал вместе с ним, был его другом, соратником, сотоварищем и даже простым солдатом, выполнявшим его приказы. Потому что каждый простой солдат чувствовал заботу Главнокомандующего русской армией генерала Кутузова именно о нем, простом солдате и понимал, что Михаил Илларионович надеется только на него, простого солдата и верит в его мужество и самоотверженность. И знал наверняка простой солдат, что сердце генерала Кутузова разрывается от жалости и сочувствия к каждому погибшему и покалеченному в этой страшной трагедии — войне. И что доброго генеральского сердца хватит на всех, простой солдат знал тоже наверняка. Ведь Кутузов, как истинный прирожденный вояка, люто ненавидел это жуткое кровопролитие ни в чем не повинных людей, которых вынужден был вести на невыносимые испытания ради высокой цели — спасения Родины. Поэтому простой солдат сражался «не щадя живота своего», являя чудеса храбрости...

Да, Кутузов велик. Эх, здорово было бы, если бы вы, мои дорогие, могли взглянуть в его добрые глаза и сказать *спасибо!*

Добрый-добрый дедушка Кутузов! Как бы он встретил вас в своей просторной уютной квартире, заботливо обустроенной его женушкой Екатериной Ильиничной? Пригласил бы присесть на диван для гостей. А сам... неспешно устроился бы в своем старом любимом мягком кресле, может быть в том самом кресле,

которое стояло в отцовском кабинете, в котором так любил сидеть еще маленьким мальчиком и слушать, как читает отец...

Отец Кутузова Ларион Матвеевич читал тихо, но весьма выразительно, так что у Мишеньки Кутузова иногда сердце готово было выскочить из груди от волнения или страха. Ведь он очень любил книги о приключениях, пиратах и сражениях благородных рыцарей! А еще — отцовские рассказы о заморских странах, о звездах и небе, о диковинных животных. Ведь отец знал, казалось, все на свете. Недаром в Петербурге его прозвали «Разумною книгой». А про предков своих Голенищевых-Кутузовых, про их ратные подвиги Миша готов был слушать бесконечно. Ведь родоначальника рода их Гавриила сам святой князь Александр Невский благословил! Ибо сражался Гавриил, рука об руку со святым князем Александром против шведов в праведном бою близ реки Невы. В том самом знаменитом бою, после которого и был святой князь Александр *Невским* прозван. А праправнука его Федора Александровича прозвали *Кутуз*. Кутуз — подушка у кружевниц. Удивительно, из каких слов складываются великие фамилии! Видимо, в роду их были искусные кружевных дел мастерицы. Вот и пошел род Кутузовых. И прапрадеды их, и прадеды были на царской службе. И отличались они честностью, преданностью, храбростью и незаурядным умом.

Когда Мишенька Кутузов стал Михаилом Илларионовичем Кутузовым, как и предки его, не воспользовался своим графским титулом, не остался на спокойной службе при царском дворе. После окончания ин-

женерно-артиллерийской школы встал в строй русской армии и начал верой и правдой служить. *Служить...* Говорят, слово это потеряло свою ценность. Не слушайте никого, мои дорогие! И тогда, во времена Кутузова в русской армии были и подлость, и предательство, и лень, и трусость, и жестокость, и страшное желание командовать, не зная солдатской службы и военной науки. Но были и люди, благодаря которым Россия наша могла противостоять многим и многим вражеским силам, желавшим смести с лица земли нашу многострадальную Родину! Таким был учитель Кутузова полководец русский Александр Васильевич Суворов. Удивительный человек! При всей своей строгости и требовательности к солдатам, он был необыкновенно добрым. Солдаты его всегда одеты, накормлены, хорошо вооружены и обучены. А у него еще и сил хватало детишек солдатских грамоте учить! Вот вам и генерал-полковник! Суворов не уставал повторять, что «сила русской армии в солдате». И, что «солдат ученье любит, было бы с толком...» Толка в военных ученьях Суворова было больше, чем достаточно. Он даже лошадей обучал! Ставил им корзиночки с овсом сзади строя пехоты, когда обучались пехотинцы при внезапном наступлении конной кавалерии стоять до последнего мгновения. А конная кавалерия наступала и прорывалась сквозь строй решительно и бесповоротно. Потому что старались не только всадники, но и лошади, знавшие, что там, за этим строем пехотинцев их ждет награда... Корзиночки с овсом!

Да... Доброта, она превыше всего. Как ни рассуждай, а доброе сердце всегда правильный путь найдет в

любом деле. Суворов почти никогда не проигрывал, хотя армия его часто была гораздо меньше, чем вражеская. И Александр Невский тоже побеждал не численностью и устрашением, а храбростью, выучкой и справедливостью! Ибо сражались полководцы наши русские за правое дело, за освобождение Родины своей. И солдат не уставали призывать к святой борьбе за родную землю. Вот и во время Отечественной войны 1812 года Кутузов, уже опытнейший полководец, одержавший ряд блистательных побед, перед великим Бородинским сражением, в котором армия Наполеона вдвое превышала численностью нашу армию, в сотый, в тысячный раз произносил те же слова. Скорбно, сурово, но с великой любовью просил солдат: «Вам придется *послужить* верой и правдой до последней капли крови. Надеюсь на вас. Бог нам поможет. Отслужите молебен...» И каждый солдат знал наверняка, что именно *ему* и доверяет Кутузов и верит именно в *его* храбрость.

Добрый-добрый дедушка Кутузов. Обычно вспоминается хорошее, светлое, доброе. А что вспомнить ему, вечному солдату, прошедшему на бесконечных войнах и огонь, и воду и медные трубы? Видевшему на своем веку столько крови, смерти, ужасных ранений, нечеловеческих мучений. Пережившего и предательство, и зависть, и злобу. И еще много чего. Нам с вами и не узнать никогда. О чем вспомнилось ему? Как на Бородинском поле в беспросветном дыму от непрекращающейся пальбы приходилось точно и верно с великой мудростью командовать своей армией, стараясь уберечь каждого воина от напрасной смерти... Благодарное отступление после этой воистину великой бит-

вы, нанесшей вражеской армии непоправимый урон... Только спустя многие годы историки поняли, что страшное Бородинское сражение, несмотря на отступление, выиграла русская армия во главе с Кутузовым, а не Наполеоновская. А тогда... Сколько пришлось пережить старику. Но сила духа его настолько была велика, ум прозорлив, и терпения хоть отбавляй, что все недовольства и жуткие обвинения в некомпетентности старого вояки он вынес с величайшим мужеством. И продолжал упрямо вести своих солдат туда, куда указывало ему его огромное доброе сердце и воинское чутье. А чутье его указывало, что армию свою надо уводить из Москвы. Отдать Москву Наполеону без боя, пустую, сожженную. А самому собраться с силами, тщательно подготовиться к решающему сражению и прогнать силу вражескую во свояси. Опять исход войны зависел только от его решения! Опять, в который раз лежал на нем этот неподъемный груз! Но Кутузов одолел и это.... Да, скорбным был тот вечер в маленьком домике в Филях, когда совещались главные наши генералы – сдавать Москву или сражаться за нее. Тогда Кутузову предстояло выдержать целый натиск генералов, умных и храбрых, но не имеющих такого таланта **главнокомандующего**, каким обладал гениальный старик. И им пришлось подчиниться. Тихо и неумолимо прозвучал тогда его голос: «Приказываю отступить». Недаром в Кутузове видели спасителя России!

Можно только догадываться, мои дорогие, что чувствовал Михаил Илларионович, когда сидя в закрытых дрожках, чтобы не быть узанным, смотрел, как проходит через Москву его армия, как пустеет Москва...

Ох, и о чем думал, когда подошел к нему партизан капитан Фигнер и доложил, что Москва запылает в первую же ночь и что все уже готово и ракеты, и зажигательные вещества. И что испытывал, когда обнял капитана и произнес пророческие слова: «Москва станет последним торжеством Бонапарта». Произнес тихо, но уверенно, с великой скорбью, но предчувствуя праведную победу.

Кровавыми слезами плакало его сердце, когда видел поле после битвы. Нет, мои друзья, это слишком горькое и страшное зрелище! Но... есть в зрелище этом горьком и страшном что-то святое... Светлое... Никогда нам не отблагодарить убиенных воинов, погибших за правое дело, за нашу страну святую, за Русь нашу. Мы всегда будем в долгу перед ними... *«Господи Царь Небесный! Продли благодать Твою на православную Россию, продли мужество христоролюбивого воинства, продли верность и любовь к отечеству православного русского народа!»* — писал молитовку свою верный слуга царский, русский боярин и православный христианин граф Ростопчин, главнокомандующий тогда в Москве, чтобы поддержать бодрый дух ее жителей в те тревожные военные времена. Писал на специальных афишках, которые расклеивал по городу. Мне одну такую афишку тогда Михаил Илларионович подарил на память... для вас, мои дорогие. Именно, для вас! Вот читайте здесь: *«Слава Богу! Все у нас в Москве хорошо и спокойно... Одного всем хочется, чтобы злодея победить, и то будет. Станем Богу молиться, да воинов снаряжать, да в армию их отправлять»*

Задумается в своем старом потертом кресле старик Кутузов. Помрачнеет лицо его благородное. Испытующе посмотрит глазом своим единственным. Цепкий, сверлящий взгляд у генерала нашего, будто насквозь видит душу-то. Потом вдруг вспомнит афишки эти ростопчинские, улыбнется светло так, радостно. И... словно камень с души свалится. И захочется вдруг обнять этого великого старика и поклониться в ноженьки за сердце его огромное, за душу чистую да светлую, за доброту души этой неисчерпаемую, за скромность великую... Вот такой он, старик Кутузов!

Сверчок вздохнул, нежно погладил лапкой сверкающую в огненных отблесках камина трубу, уложил ее в черный футляр, закрыл крышку и звонко щёлкнул замком. Всё!..

ХВОСТАТЫЙ ДРУГ ГОГОЛЯ

— В тот день мы праздновали мой день рождения! – Сверчок улыбнулся. – У Сверчков ведь тоже бывают дни рождения! О, это был знаменательный день! Почему? Вы сейчас поймете, мои дорогие. Вы знаете Николая Васильевича Гоголя? Да-да, нашего русского писателя! Вернее, вы не можете знать его лично в отличие от меня. Ибо он жил в 19 веке. Но... вы знаете его произведения! Вы, конечно, читали «Ночь перед Рождеством», «Тарас Бульба», «Ревизор», «Женитьба». А если еще не читали, то наверняка слышали. И у вас, мои дорогие, впереди много прекрасных минут встречи с этими великими книгами!

Сверчок спрыгнул с каминной полочки и пригласил жестом к столу.

— Сегодня я угощаю вас арбузом!

Он взмахнул своей лапкой и на столе действительно оказался арбуз! Большой, ярко зеленый с черными полосами по бокам. Он удара он разломился... Что это был за аромат!

— О! Именно такой же арбуз и был на столе в тот знаменательный день. День моего Рождения!

Арбуз был огромным. Он лежал на столе, покрытом белой вышитой скатертью, уже поделенный на ровные аккуратные куски. Сочная, сахарная мякоть не просто манила к себе. Она будто гипнотизировала и заставляла неотрывно смотреть на самый ароматный и яркий кусище, из которого аппетитно выглядывали черные блестящие косточки. Николенька ждал... Ждал тер-

пеливо и мужественно. Вот первая тарелка, груженная алой мякотью, опустилась на белоснежную накрахмаленную салфеточку перед папенькой. Потом перед маменькой появилась такая же тарелка. Наконец, и к Николеньке плавно приземлился тот самый крайний кус с самыми черными и самыми блестящими косточками во всем арбузном мире!

Николенька шумно вдохнул арбузную свежесть. И только наклонился, чтобы откусить столь долгожданное лакомство, как услышал над ухом монотонное громкое жужжание. Оса! Николенька отпрянул назад и с ужасом стал наблюдать, как толстая, полосатая оса нахально пыталась приземлиться... нет, арбуз это не земля! При...арбузиться! Да, «при-ар-бу-зить-ся!» Николенька обожал новые слова. Только он никак не мог понять, откуда они берутся в его голове. Ему всегда хотелось поймать за хвостик хотя бы одно словечко! Ведь у каждого слова есть хвостик. У кого побольше, у кого поменьше, а у кого и совсем крошечный. Слово «чуб», например... И ухватить не за что! Но он обязательно ухватит! Потом все даже удивятся, какой он «сло-во-лов»! А папенька больше всех удивится, потому что он говорит, что из Николеньки толка не выйдет, что застенчив больно, да и задумывается, что-то по долгу. Что не к добру это...

Ай!!! Противная оса! Нос! Ай!!! Николенька и не заметил, как он, задумавшись, действительно, не к добру, пресильно наподдал той самой нахальной осе, наслаждавшейся арбузным нектаром на его, Николенькином кусочке...

Ай!!! Николенька пронзительно кричал, плотно закрыв лицо руками. Никто, ни маменька, ни папенька, ни нянюшка не могли уговорить его убрать руки от лица. Все только охали и ахали, предлагали примочки и припарки. Объясняли обязательность этих процедур при осиных укусах. Но все было напрасно. Николенька вцепился в свой нос железной хваткой. Только доктор Иван Федорович, стремительно доставленный проворным слугой Тришкой на резвом скакуне Голопуцке, сумел уговорить мальчика и первым взглянул на новый Николенькин нос. Да... Оса была и впрямь великанша. И время было упущено. Стараниями доктора опухоль удалось устранить, но вот форма носа была безнадежно испорчена. Нос вытянулся неимоверно и остался таковым на незабываемом лице нашего любимого писателя Николая Васильевича Гоголя на всю его великую жизнь.

Вот такой вот печально-знаменательный день! Но мои дорогие, не стоит расстраиваться! Это ничуть не испортило великую жизнь нашего писателя! Уверяю вас. Даже наоборот, в какой-то степени пригодилось! Но мы продолжаем...

Читать Николенька выучился рано. Он и говорить то не умел, но уже смекнул, что книга – вещь великая. Папенька с книгой не расставался. Даже за обедом иногда почитывал, несмотря на недовольство маменьки, которая твердо была уверена, что пищеварение требует сосредоточенности, хотя сама любила почитать за чаем. В уютном доме помещика Василия Афанасьевича Гоголя беспредельное пространство занимали огромные шкафы, набитые книгами. По крайней мере, так казалось

маленькому Николеньке. Среди книг были старинные, пропыленные, в кожаных переплетах, которые папенька даже на расстоянии смотреть не позволял. Были и современные стихи, повести, романы и даже пьесы разные, которые можно «разыгрывать на театре». Николенька еще смутно представлял, что такое театр, но знал, что папенька тоже пишет комедии, то есть уморительные истории, которые «разыгрываются» по ролям. Николенька мечтал сам *читать, читать* свободно и легко, выразительно, с воодушевлением сердечным, чтобы все заслушивались. *Читать*, как папенька...

Желание было настолько велико, что однажды Николенька решился на преступление. Ключ от книжного шкафа папенька прятал надежно. Ни за что не найти. Но Николенька давно приметил, что ключ от буфета в гостиной был точь-в-точь заветный ключик от книжного царства. И... о чудо!.. Он, этот буфетный ключик, подошел! Николенька, не веря своему счастью, доставал с полки книги одну за другой, рассматривал их бережно и благоговейно ставил на место. Наконец, ему попалась знакомая книга про «Недоросля» Митрофанушку, который никак не мог ничему научиться, а только ел, спал и мечтал жениться, чтобы опять есть, спать и ничего не делать. Когда к папеньке приходили гости, они частенько читали этого «Недоросля» по ролям, причем папенька частенько читал – и здорово читал! — за госпожу Простакову, мамашу злополучного Митрофана. Гости от души хохотали, не подозревая, что у них есть тайный поклонник, притаившийся за портьерами и тихонько хихикающий в ладошку. Николенька обладал прекрасной памятью. Так что ему ничего не стоило запомнить наи-

зую эту великую комедию великого Дениса Ивановича Фонвизина. Поэтому, когда ему в руки попала эта книга, он с легкостью разобрался с буквами, звуками, слогами и предложениями!

Секрет заветного ключика Николеньке удалось сохранить надолго. Папенька уходил в одно и то же время, и у Николеньки было в распоряжении часа два-три самозабвенного чтения.

Когда Николеньку в девять лет отдали в полтавское уездное училище, расставание с книжным шкафом было настоящим горем. Он со слезами подошел к книжным полкам и нежно погладил их. Хорошо, что этого не видел папенька, а то бы совсем расстроился. Он давно уже махнул на сына рукой, считая его «не от мира сего». Но... в училище Николеньке несказанно повезло. Там была библиотека! И в нее не только не запрещалось ходить, а наоборот, поощрялось! Николенька был счастлив. Если бы можно было, он перетащил бы туда свою кровать и жил среди книг, наслаждаясь постоянно особым книжным запахом. Надо сказать, что и эти мечты наполовину сбылись. Николеньку, как самого фанатичного книголюба, назначили хранителем школьной библиотеки! *Хранителем...* Это уже не кот начихал!

Апчихи!!! Николенька не переставал чихать, когда ему приходилось лазать с влажной тряпкой по книжным полкам. Он же хранитель, значит, во вверенном ему книжном хозяйстве все должно быть в порядке! Каждая книга, книжулька и книжулечка должна стоять по алфавиту и по теме, строго на своем месте и в приличном виде. Николенька не жалел клея и сил, ремонтируя особо пострадавшие экземпляры. Апчихи!!! Он

даже правила библиотечные составил и наклеил перед входом.

1. Книги не рвать и не пачкать.

2. В библиотеку приходите только с чистыми руками.

3. Возвращать книги вовремя.

4. Нарушители исключаются безжалостно.

Застенчивый от природы, уступчивый Николенька в вопросах о книгах был тверд, как скала. Бесплезно было у него просить прощения за порванную или потерянную книгу. Ни за что не простит! Просто вычеркнет из списков читателей и еще формуляр порвет. И бери книги, где хочешь...

Апчи!!! Николенька застыл с тряпкой посреди библиотеки и прислушался... Это не он чихнул!.. Апчи!!! Вновь раздался чей-то наглый громкий чих!.. Николенька серьезно испугался. В этот поздний час он закрылся один в библиотеке, чтобы расставить книги по местам и поработать. Он должен был закончить статью о любимом поэте Александре Пушкине и о его новом потрясающем романе в стихах «Евгений Онегин» для гимназического журнала «Метеор литературы». Да к тому же собственную трагедию задумал написать. Название уже придумано и даже аккуратно выведено на первом листочке чистой пока еще тетради — «Разбойники». Звучит?!.. А!.. Апчи!!! Николенька осторожно пошел на чих, вооружившись веником на всякий непредвиденный случай...

Апчи!!! Раздалось где-то совсем близко. Николенька поднял голову и увидел... На верхней полке, аккуратно сдвинув в сторону книги, расположился

удем... У тебя-я большое бу-удущее... » И бесшумно прыгнув со стола, Кот важно удалился...

После этой невероятной встречи Кот часто заходил к Николеньке, по вечерам, когда тот оставался один и садился работать. Кот разваливался тут же на столе и внимательно следил за пером, стремительно выводящим неровные строчки. «Аккура-атней пиш-ши, ты прям-мо как курица лапой царапа-аеш-шь...», — ворчал Кот, с наслаждением уплетая котлету, припрятанную Николенькой с обеда. Но Николеньке было не до аккуратности. Ему во что бы то ни стало, нужно было поймать за хвост нужное словечко. А это было, ох! как не просто! Николенька морщил свой длинный нос и, не обращая внимания на замечания Кота, строчил дальше. Завершив очередное творение, он спешил в первую очередь поделиться со своим хвостатым другом. Кот не скупился на комплименты. Если было смешно, а это Николеньке особенно удавалось, хохотал так, что не мог удержаться на лапах и заваливался на спину, чем вызывал восторг у местных мышей, которых с каждым вечером прибывало все больше и больше, чтобы поглазеть на диковинного Кота. Читал Николенька отменно. Даже уже лучше своего папеньки. С удовольствием играл стариков и старух в гимназическом театре. А роль госпожи Простаковой была его коронной ролью. Даже Кот, не очень любивший театральное действо, приходил полюбоваться на своего подопечного, тайно притаившись за портьерой. «Акте-ер ты отм-менный. Только уготован-но тебе друго-ое поприще...» — на всякий случай напоминал он, прощаясь с Николенькой на ночь.

Дружба с Котом продолжалась даже, когда Николенька стал знаменитым писателем Николаем Васильевичем Гоголем, уже создавшим свои гениальные произведения: «Ревизор», «Женитьбу», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Петербургские повести», «Мертвые души». Кот приходил по вечерам. Редко, правда. Говорил, что дел много. То *этому* помоги, то *того* поддержи. Забегался совсем... Потягиваясь, устраивался на письменном столе Николая Васильевича и мирно спал под скрипящие звуки пера. Приходил он и на званые обеды, на которых собирались лучшие представители великой эпохи девятнадцатого столетия. И какие представители! И Александр Сергеевич Пушкин, и Василий Андреевич Жуковский, и Михаил Семенович Щепкин, и Михаил Петрович Погодин, и Сергей Тимофеевич Аксаков... Хотя встречи эти обедами назвать было нельзя, уж очень мало для званых обедов было угощений, Коту нравилось потереться о брюки великих гостей, оставить на них клоки своей бесценной черной шерсти и послушать... А послушать здесь всегда было что... На обедах этих наряду с прекрасной музыкой и высокой поэзией звучали рассказы и повести прославленного писателя Николая Васильевича Гоголя, который умел превратить свои чтения в настоящее театральное представление! Кот, не стесняясь, заваливался на спину, хохотал от души вместе со всеми гениальными представителями. Да... Не ошибся он в Николеньке, не ошибся... Правда, встать самому на лапы Коту не всегда уже удавалось. Стар стал, немощен... Николай Васильевич быстро и ловко подхватывал хвостатого друга и помогал ему обрести равновесие. Кот благодарно терся о род-

ной длинный нос... Апчи!!! Даст Бог, вам здоровья,
уважаемый Николай Васильевич!..

РУССКИЙ РОБИНЗОН

— Кто из вас, дорогие мои мальчики и девочки, не мечтает отправиться в дальнейшее путешествие? Я уверен, что таких ребят нет! – Сверчок взмахнул своей лапкой, и на стене появилась географическая карта. Разноцветная, нарядная карта нашего мира! – Посмотрите: зелёные – это равнины, коричневые – горы, желтые – пустыни, а синие – моря, реки, океаны! Красив и разнообразен наш мир! Все вы, даже самые тихие тихони и самые умные умники позволяете себе помечтать о бескрайнем океане, о пиратах и морских сражениях, о старинном деревянном фрегате, приятно поскрипывающем на волнах. И чтобы обязательно этот фрегат был с огромными надутыми парусами и с гладким, резным испытанным в бурях и штормах штурвалом. О капитанском мостике и огромном бинокле, который в один прекрасный момент покажет вам вдалеке какой-нибудь необитаемый остров, заросший всякими диковинными растениями! А не растерялись бы вы, оказавшись на таком острове, без еды, огня, крыши над головой и в полном одиночестве, мои дорогие? Умеете ли вы развести огонь без зажигалки и спичек? А разбираетесь ли в растениях и плодах? Сможете ли вы поймать рыбку без сетей и удочки? И, самое главное, хватит ли у вас смелости, доброты и терпения, чтобы договориться с местным населением, то есть с папуасами и папуасятами!? Нет, я вовсе не сомневаюсь в ваших способностях! Я просто намекаю на то, что такое

путешествие кроме смелости отваги, доброты и любви, требует тщательной подготовки!

Русский путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай для того, чтобы отправиться на далекий остров помимо науки выживания в труднейших условиях, необходимой для каждого путешественника, изучал философию, химию, сравнительную анатомию, зоологию, тайны морских глубин... Зачем он отправился на остров? Нет-нет! Не за сокровищами... За наукой! Вы разочарованы... Не расстраивайтесь, он не искал золота, но нашел очень ценное и дорогое для человека – свое призвание, свое любимое дело, которому отдал жизнь. Короткую, но очень интересную и богатую впечатлениями и переживаниями жизнь. Поверьте мне, мои дорогие, это и есть самое настоящее сокровище... Маклай наблюдал жизнь местного населения неизвестных островов, то есть папуасов и папуасят.

У Николая Николаевича Миклухо-Маклая можно всему поучиться! Поучиться быть мужественным, добрым, терпеливым в любых обстоятельствах! А сколько в нем было любви к людям! Он рассказал и доказал всему миру, что папуасы и папуасята обычные люди, что живут они своими традициями и обычаями, которые нельзя нарушать. Что они беззащитны, и их нельзя обижать.

В сентябре 1871 года Миклухо-Маклай впервые остался один на далеком острове в Новой Гвинее, на который его доставил корвет «Витязь». Остался не просто как ученый, а, прежде всего, как защитник и гость на этом острове, полном неожиданностей, опасностей и

неизвестности. Как встретят его, белого человека, люди, испокон веков живущие там? Сколько нужно такта, сил и терпения, чтобы они *поверили* ему! Сможет ли он? Сумеет быть убедительным, не навредит ли? Не испугает ли этих удивительных людей, живущих в полном единении с природой, не знающих цивилизации и совершенно оторванных от мира? Все эти вопросы мучили Маклая... По-другому он и не мог. Он продумывал каждый свой шаг, каждое действие, долго подготавливал свой первый визит в деревню... И у него получилось! Его душа была настолько добра и бескорытна, что они, эти дикари, эти папуасы и папусята, эти трогательные своей наивностью люди, поверили ему и полюбили. Мало того, со временем предложили остаться у них навсегда! А это очень почетно! Об этом Миклухо-Маклай даже и не мечтал!

Путешественник искренне привязался к ним. Они привлекали его своей внутренней чистотой и непосредственностью, своей чуткостью в отношении к природе, своей гармонией жизни и естественностью. Ему было с ними хорошо и уютно. Ведь в их мире не было корысти, злобы, зависти, не было денег, не было унижения... Ему нравилось жить и общаться с ними, даже несмотря на трудности, которые возникали буквально на каждом шагу. Как добыть воду и еду, укрыться от сильнейших ливней, починить ветхое жилище, преодолеть страшные приступы малярии, которые терзали бедного путешественника довольно часто и отнимали огромное количество сил и здоровье. Но Миклухо-Маклай не сдавался. Он черпал силы в своей любви к этим людям,

к этому острову, к своей работе. Только так! Иначе не выжить!

А знаете, мои дорогие, как он впервые появился в деревне? Никогда не догадаетесь, что он сделал! Островитяне встретили его враждебно, подняли на него копья, многие приняли угрожающие позы. Две стрелы просвистели у него прямо над ухом. Но Маклай не испугался, не повернул назад. Его охватило чувство стыда и неловкости, что он вторгся в чужую жизнь и стал причиной всеобщей тревоги. Чтобы как-то разрядить обстановку, он высмотрел место в тени, перетащил туда новую циновку, с громадным удовольствием растянулся на ней и... заснул! Первый шаг к завоеванию доверия был сделан.

Без усталости, Маклай наблюдал, забывая обо всем на свете, любовался и восхищался жизнью островитян. Помогал им, чем мог, лечил. Слава о нем, как о маге и лекаре быстро разлетелась по округе. Деликатно, ненавязчиво пытался разобраться в них самих, в их родственниках, в обрядах, кулинарии, особенностях построек. Записывал песни и слушал музыкальные инструменты, делал прекрасные профессиональные рисунки — портреты, пейзажи местности и деревень, а главное, он тщательно изучал их язык, чтобы лучше *понять* гостеприимных хозяев острова! Его старания и искренность, его обаяние и притягательность, чистота его помыслов были вознаграждены сполна. Дошло до того, что его хижину каждый день посещали до 50 гостей, интересовались его жизнью, незнакомыми им предметами и приносили Маклаю подарки в виде фруктов, овощей и свинины, которые были весьма кстати. Собствен-

ные продовольственные запасы, давно кончились. Потом туземцами был преподнесен главный подарок белому другу «тамо руссу» — разрешение остаться, построить себе хижину в деревне!

Больной, измученный жестокими приступами малярии, изможденный постоянным недоеданием и бытовой неустроенностью, но счастливый и довольный своими наблюдениями и исследованиями, окруженный туземцами в причудливых нарядных головных уборах... Именно таким встретил Миклухо-Маклай более чем через год русский клипер «Изумруд», посланный на его поиски. И даже, к великому удивлению соотечественников, поначалу отказался возвращаться домой. И все-таки вернувшись, страшно скучал по уединенной, тихой, благодатной жизни на острове. Но работа есть работа. Нужно было рассказать всем, что папуасы и папуасыята живут в своем суверенном мире, в который никто и никогда не имеет права входить без разрешения. Туда можно попасть только по особому их приглашению... Он всеми силами старался защитить этот мир от жестоких вторжений, несправедливости, обмана, зла, которым подвергались несчастные островитяне со стороны белых людей, одержимых желанием обогатиться и разрушающим все на этом страшном пути. Маклай даже жертвовал наукой во имя спокойной жизни туземцев! Просто скрывал сведения о существовании некоторых племен, чтобы охранить их спокойную тихую жизнь.

Еще много-много раз путешествовал Миклухо-Маклай. Он был и на островах Новой Гвинеи, на Маллакском полуострове, Микронезии, Меланезии, Авст-

ралии, на острове Амбоин... И не раз возвращался на *свой* берег в заливе Астролябия, который так и остается до наших дней «берегом Маклая». Папуасы и папуасыята встречали его как родного человека, своего покровителя и защитника! Он словно возвращался домой...

Еще после первого путешествия врачи запретили нашему путешественнику продолжать эту опасное для жизни дело, пророча верную смерть. Но... Ничто не могло удержать Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Ведь он был на *своем* пути... И вам, мои дорогие мальчики и девочки, я всем сердцем желаю найти *свое дело*, которому бы вы служили так же преданно и мужественно. И для этого, поверьте мне, необязательно становиться знаменитыми путешественниками. Ведь на свете так много интересных и благородных занятий...

РЫЦАРЬ ЖИВОПИСНОГО МИРА

— Интересно, как по вашему, мои дорогие друзья, праздновали День Рождения Картинной Галереи имени П. М. Третьякова?!

Вид у Сверчка был праздничный — красный шарфик и красный берет, сдвинутый чуть на бок, на один из закрученных усиков! Художник, да и только! Еще бы мольберт и кисточки с палитрой.

— Конечно, праздновали так, как и положено Дни Рождения отмечать. Во-первых, пригласили гостей, испекли огромный пирог со свечками, водили хороводы и пели: «Как на именины Галереи испекли мы каравай...»! Потом хором дружно кричали: «Позд-рав-ля-ем!!». А потом дарили подарки! Здорово, правда? Вы думаете, Картинная Галерея осталась довольна? Конечно! Но, должен вам признаться, самым главным подарком для Картинной Галереи являетесь **вы**, мои дорогие друзья! Да-да, **ваш интерес** к сокровищам, которые Галерея бережно хранит для вас, только для вас уже 150 лет и всегда с нетерпением ждет вашего прихода к себе в гости. И для этого совсем не обязательно ждать очередного Дня Рождения. Нужно просто собраться и войти в старинный особнячок красного кирпича, похожий на теремок, и ... глубоко вдохнуть. Именно глубоко вдохнуть! Это обязательное условие. Потому что воздух в этом старинном особнячке не простой! Он чудесный, даже целительный! Ведь там живет *искусство*... А искусство это и есть чудо! Что такое картина? Это тысячи и

тысячи разноцветных мазков, положенных художником на холст. Но *как!!!* Как удается художнику положить эти мазки так, что все изображенное на картине оживает?! Правда-правда! Сами убедитесь! Давайте взглянем на картину художника А. К. Саврасова «Грачи прилетели». Вспомните... Ранняя весна... Только-только начал таять снег... Мокро, грязно, холодно... Но грачи уютно расположились на тонких голеньких еще веточках березы и уже празднуют приход весны! Ясно слышно их радостное ликование. Слышен и тихий колокольный звон, несущейся с колокольни старенькой церквушки, виднеющейся где-то вдалеке. И нежные солнечные лучи солнца кое-где осторожно, несмело поглядывают сквозь толстые слои серых облаков. И пахнет так вкусно, как пахнет только ранней весной. И скоро растает снег, и все вокруг затопит, совсем как у художника И. И. Левитана. Его картина так и называется «Весна. Большая вода». Тонкие-тонкие березки в воде... удивительная нежность. И не только! И стойкость, и храбрость. Вы заметили, что их озябшие веточки дрожат от холода? А вода чистая, прозрачная, и березки-воображалки будто любят своим хрупким отражением. Любуются, пока забияка-ветерок не подует и не испортит водяное зеркало... Еще совсем не долго осталось потерпеть. Совсем скоро станет тепло, солнечно, и можно будет бегать босиком по мягкой зеленой траве и ощущать голыми пятками приятную прохладу этой нежной еще весенней зелени. И просто завидуешь мальчишкам, поселившимся на картине художника В. Д. Поленова «Московский дворик»! С каким удовольствием они валяют друг друга на зеленой лужайке,

буквально залитой солнцем! А вдали купола... купола... Они золотятся, играют в солнечных лучах, и явно слышен радостный церковный перезвон! Его слышат и курочки, важно расхаживающие у сарая. Его слышит и задумчивая лошадь, впряженная в телегу. А вы слышите? «Динь-дон! Динь-дон! Динь-динь-дон! Динь-динь-дон!..» И не хочется отрывать глаз от этой красоты!.. А ведь сначала показалось, что ничего особенного вроде бы и нет! Не чудо ли?! Всего лишь тысячи разноцветных мазков...

А сколько еще таких чудес можно увидеть в галерее. И Аленушку, одиноко сидящую на камушке у волшебного озера в волшебном лесу у Бабы-Яги... И Ивана-Царевича с прекрасной Царевной на сером волке... И трех богатырей... Эти сказочные картины художника В. М. Васнецова. А еще при желании можно полюбоваться огромным полем золотящейся созревшей пшеницы, купающейся в солнечных лучах... Лесным ручейком в уютном густом лесу и вдохнуть его хвойный аромат... И даже увидеть медвежат с медведицей, играющих на лесной полянке... Это картины художника И. И. Шишкина. Смотрите, любуйтесь, наслаждайтесь! Только не спешите. Галерея не любит суеты и неискренности. Лучше посмотреть одну картину и на всю жизнь сохранить это светлое воспоминание. И Галерея вас будет приглашать к себе в гости еще и еще. И чем больше вы будете знакомиться с ее сокровищами, тем больше тайн и чудес она откроет вам. А тайн и чудес у нее, уж поверьте мне, не меньше, чем в сказочном лесу у Бабы-Яги! А может быть, даже и больше! Просто еще никто не смог посчитать! Да это и не так важно. Го-

раздо важнее то, что люди, знающие эти чудеса и тайны, живут гораздо интереснее. Потому что видят и слышат больше, острее и тоньше. И эти люди добры, сильны духом, отзывчивы, терпеливы и мужественны. Именно они становятся героями. Мы их помним, любим и бесконечно благодарим за то, что они жили не только для себя, но и для нас с вами.

Таким человеком и был Павел Михайлович Третьяков. Он создал эту уникальную Галерею. И как только задумал собирать картины, так и решил передать все это сокровище городу Москве, чтобы мы с вами могли хотя бы прикоснуться к этому Чуду. И собрал он множество картин, построил для них уютный дом – Галерею. Помогал художникам, покупал их картины. Потом развешивал у себя дома и показывал знатокам и просто любителям живописи. И таким образом люди узнавали новых талантливых художников. Ведь у Павла Михайловича был особый Дар. Он безошибочно узнавал *истинное искусство*. Вы спросите, откуда этот Дар? Все очень просто. Когда-то Павел Михайлович был обычным мальчиком Павликом Третьяковым, сыном купца Михаила Захаровича Третьякова. Он тоже учился, правда, не в школе, а дома. И занимался прилежно и аккуратно. Да еще помогал отцу, исполняя обязанности «мальчика в лавке». Бегал по темным мрачным рядам-лабиринтам, заваленным различными товарами, искал что нужно, исполнял различные поручения, приучался вести торговые книги, даже выносил помои. Только так можно было по-настоящему постичь всю купеческую науку и достойно продолжить дело всего своего купеческого рода. Павлик, несмотря на свою серьезность, был

очень веселым и впечатлительным мальчиком. Любил в воскресный день потолкаться на Сухаревском рынке в поисках интересных книг о приключениях и путешествиях. Но однажды он попал в ряды, где за бесценок продавались уникальные картины голландских, итальянских, французских живописцев. Павлик был потрясен увиденным. Это были в основном портреты и бытовые сценки из жизни. И люди, изображенные на них, были точно живые. Павлик, не спеша, переводил взгляд с одной картины на другую, словно боясь что-то упустить. Еще мгновение, и старик с грустным усталым взглядом улыбнется ему, а музыканты, тронувшие струны своих скрипок и мандолин, вновь заиграют веселую мелодию, под которую безудержно захочется пуститься в пляс!.. Павлик еще долго стоял, словно замороженный этой другой незнакомой жизнью, в один миг возникшей перед ним прямо в центре шумных, грязных рядов Сухаревского рынка. Воспоминания об этой чудесной встрече на всю жизнь осталось в его сердце. И может быть, с той минуты он и решил быть собирателем картин. И не просто собирателем, а добрым охранителем всех талантливых русских художников, самым настоящим рыцарем. Да-да, именно рыцарем! Ведь рыцарь совсем не тот, кто надевает на себя доспехи, кольчугу, шлем и берет в руки меч. Настоящий рыцарь – прежде всего *добрый защитник*, неприемлющий насилие и смерть, зло и зависть, хамство и предательство. И тот кто, бескорыстно, искренно и преданно помогает людям, тот и есть настоящий рыцарь. И, поверьте мне, у него обязательно есть и доспехи, и меч, и даже шпага,

шляпа с перьями и длинный плащ! Просто не всем дано все это увидеть...

Итак, мои дорогие, не забывайте, что у вас есть в городе Москве чудесный подарок, великодушно преподнесенный **вам** самым благородным рыцарем Павлом Михайловичем Третьяковым – картинная Галерея, которую ласково прозвали Третьяковкой. Приходите, смотрите, учитесь *видеть*, учитесь *слышать*, и, может быть, вам это поможет в трудные минуты...

А ГРАЧИ ВСЕ ЛЕТЯТ...

— Давайте продолжим разговор о художниках, мои дорогие! А вы знаете, кто такой художник? Художник это... это не только тот, кто рисует... Художник это... это... состояние души! Все, о ком мы с вами успели поговорить – художники. Да вы и сами, если вам интересно было читать и слушать мои рассказы, тоже художники! Как так? А вот так! Каждый, кто способен творить и каждый, кто способен принять это творение – художник. И не важно, умеет ли он рисовать, танцевать или сочинять музыку. Главное уметь слышать и видеть! Подумайте об этом. А я тем временем расскажу вам о человеке, который не только гениально владел кисточкой, но был в душе истинным художником.

Алексей Кондратьевич Саврасов, преподаватель Московского училища живописи и ваяния, высокий, бородатый и лохматый, быстро шагал по размокшему от подтаявшего снега полю. С этюдником подмышкой, не обращая внимания на хлюпающую под ногами грязь, давно промокшие ботинки и насквозь пронизывающий ветер, художник стремительно приближался к заветному месту, найденному накануне. Наконец, он замедлил шаг, остановился и блаженно втянул полной грудью влажный холодный воздух... Вот оно! Но... что это? Голые березы, обшарпанная церковь, разбухшие от сырости деревянные дома. Слякотно, холодно, грязный снег, лужи, серое, совсем не весеннее небо?! Неужели все это может быть красивым, достойным кисти вели-

кого художника?! Да, мои дорогие мальчики и девочки, может! Художник — настоящий истинный художник! — способен разглядеть в обыденном, простом, привычном — чудесное и прекрасное. Вот тут-то и начинаются самые настоящие чудеса! На чистом холсте появляются березки... изящные, тонкоствольные освещённые робким солнечным лучом. И облака, еще по-зимнему тяжелые, приоткрывающие лазурное чистое-чистое небо. С колокольни старенькой церквушки... слышится!.. радостный звучный перезвон. И мы с вами вдруг начинаем чувствовать во всем, буквально во всем пробуждение, нежность, весеннее благоухание. И везде свет, теплый, необыкновенный согревающий и уютный небесный свет. Упавшие березовые веточки и прошлогодние сережки живописно украшают почти уже растаявший снег. Скоро-скоро проклюнется новая зеленая трава. А в многочисленных гнездах чёрноперых грачей появится шумное многоголосое потомство. И обязательно сбудется самое заветное, самое желанное.

«Грачи прилетели»... Именно эта картина Саврасова почему-то осталась в нашей памяти. Сведущие люди говорят, что равной ей нет, и считают ее самым настоящим чудом! А живет она в Москве в Третьяковской галерее. Но Саврасов — уникальный художник. Во всех его картинах столько любви ко всякому Божьему творению, ко всякой веточке, ко всякой травинке, ко всякой лужице и камушку, что хочется смотреть на них долго-долго.

«У ворот монастыря»... Пруд, старая деревянная лесенка, ведущая вверх. По краям лесенки сосны. Светятся на солнышке их высокие, стройные, словно позо-

лоченные стволы. А там, наверху – дверь, залитая каким-то удивительным радужным светом. И тишина кругом благодатная. Вот где можно было бы помечтать, подумать спокойно, без суеты и каждодневных забот, отнимающих у нас столько сил и времени! Или взбежать по лесенке туда, наверх и открыть эту заветную дверь. Что за ней?.. Маленький Алеша Саврасов очень рано начал думать об этом.

Никто в семье Саврасовых не рисовал. Отец Кондратий Артемьевич был купцом, человеком строгих правил. Считал «малеванье», которым Алешка занимается с утра до вечера, баловством, пустой тратой времени. Отца понять можно. Жили трудно. Еле концы с концами сводили. Кондратий Артемьевич работал без устали, чтобы как-то вытащить свое большое семейство из проклятой бедности и занять в Москве купеческое положение. А тут Алешка со своими художествами! Какой помощник получится из сына, если он вместо того, чтобы купеческое дело осваивать, целый день напролет с кисточкой не расстается! Маменька Просковья Никифоровна тихая, ласковая, переживала за сынишку, но молчала. Только бабушка радовалась неожиданному в их семье дарованию. «Надо же, Мишутка старше Алёшеньки на четыре года, а не то, что океан-море, обыкновенную курицу не нарисует!» А Алеша, раздобыв гуашевые краски, кисточки, бумагу, без устали пробовал воплотить все, что видел. Он не помнил, когда вдруг почувствовал в себе странное желание наблюдать. Не просто наблюдать, а смотреть с восхищением на бескрайние поля, леса, реки и речушки, дороги, деревеньки, одинокие хижинки. И не просто смотреть, а бесконечно

удивляться разнообразию красок вокруг! Сколько таит в себе оттенков обыкновенная травинка! Посмотришь на нее на солнце – один рисунок, а если взглянешь на нее после дождя – совсем другой получится! Зелень сочная, яркая. На листиках – капельки, прозрачные, чистые, хрупкие... вот-вот сорвутся вниз и навсегда пропадут в земле. А белый воздушный шарик одуванчика! Что за чудо! Как запечатлеть его разлетающиеся от дуновения ветерка маленькие невесомые пушинки, эту небесную легкость? Какими средствами достигается такое виртуозное мастерство?!

Алеша искал ответы и рисовал, рисовал, рисовал. Рисовал все, что видел, рисовал, копируя из журналов цветные иллюстрации – бурю на море, извержение вулкана, лунную ночь. И надо же! Его рисунки стали покупать! Да-да, на Никольской и на Ильинке по шести рублей за дюжину! Неслыханные деньги для сына купца третьей гильдии. Алеша разумно распоряжался деньгами. Все отдавал матери. Оставлял себе только на бумагу и краски. Маменька сберегала эти заработанные Алёшенькой рублики. «Ведь сыночка учиться хочет. На художника. Ну и Бог с ним. Пусть учится, если желание такое великое имеет. Авось отец простит, не осерчает...» И заветные рублики оченьгодились, когда четырнадцатилетний Алексей Саврасов, окончив городское трехклассное училище, все-таки поступил в Московское училище живописи и ваяния! И остался в нем почти на всю свою жизнь.

В училище Алексей Саврасов считался одним из лучших учеников! Трудолюбия ему не занимать. Да и талантом Бог не обидел. Как и полагается, рисовал гип-

совые головы, фигуры, руки, ноги, копировал знаменитых пейзажистов, учился накладывать свет и тень, изучал живопись великих мастеров и создавал собственные эскизы, рисунки, этюды. Вы спросите, мои дорогие, неужели Алеша Саврасов всегда с великим желанием бежал в класс? Конечно, нет! Порой он останавливался и с завистью смотрел на мальчишек, мчавшихся на салазках с огромной горы, и на летящие друг в друга снежки, и на коньки, звонко скользящие по крепкому речному льду. Но... вдруг внимательный взгляд его падал на... белокаменный Кремль на другом берегу Москвы-реки. Островерхие башни, золотые маковки кремлевских церквей, словно утопающий в снежной дымке купол Ивана Великого. Вот бы нарисовать! Нет, уж если решил быть художником, будь добр, забудь про забавы да развлечения. Живопись требует полной отдачи! Иначе ничего не получится. И Алеша решительно шагнул в сторону Мясницкой улицы, на которой располагалось училище. Пройдет совсем немного времени, и на свет появится картина «Вид Московского Кремля при луне», за которую Алексей Саврасов будет награжден званием внеклассного художника. А чуть позднее его картина «Вид на кремль с Крымского моста в ненастную погоду» получит восторженные отзывы товарищей художников и художественной критики.

Когда Алеше исполнилось шестнадцать лет, тяжело заболела любимая маменька. Алеше пришлось уйти на год из училища, чтобы ухаживать за ней и помогать отцу. После смерти маменьки Алеша долго не мог найти себе места, не знал, как дальше жить и что делать. Маменька дорогая, любимая, родная маменька ушла

тихо, смиренно, словно дождевая капелька, соскользнула с травинки на землю. Алеша шел по слякотной осенней дороге, сам не зная, куда и... вдруг перед ним открылся неопишуемой красоты вид! Сосновый лес, густой, высокий, величественный. У подножия маленькие смешные кривоватые сосенки тянутся изо всех сил вверх, будто стараются не отстать от своих старших братьев. А перед лесом раскинулся луг. Трава еще зеленая, но не такая яркая, поблекшая. Небо на первый взгляд кажется хмурым. Но если приглядеться, то заметишь, что оно... светлеет. Сквозь плотные белые облака пробиваются слабые солнечные лучи. А хмурая темная туча уходит... Алеша, не долго думая, стремглав побежал домой за красками. Пока сбегал с горы, увидел несколько стройных сосенок и молодую елочку, уединившихся прямо на косогоре. Алеша припустил еще сильнее. Им вновь овладела неодолимое желание рисовать. Вот она жизнь, спасение и радость!

Конечно, эти учебные рисунки нам с вами не увидеть. Да, наверное, и не надо. Но похожие сюжеты встречаются в его прекрасных картинах, созданных умелой рукой зрелого художника, признанного лучшим пейзажистом. «Лосиный остров в Сокольниках»... «Лес на косогоре»... «Дорога в лесу»... «После грозы»... «Зимний пейзаж. Москва»... «Вечер. Перелет птиц»... Обязательно найдите их и рассмотрите, мои дорогие! Даже на репродукциях, напечатанных в книгах о художнике Саврасове, чувствуется *дыхание* Природы, ее настроение, ее внутреннее состояние. И лес, и тропинки, и облака, и домишко зимней, морозной ночью, в крошечном оконце которого горит желтый уютный

свет, эдакий огонек в темноте, освещающий все изображенное вокруг... Они словно разговаривают с вами, рассказывают о наболевшем, пережитом. Но, что бы ни волновало художника в благоговейные минуты и часы работы, в его картинах всегда есть *радость, восхищение и благодарность*. Всегда! А такое, поверьте мне, редко встречается даже среди маститых художников.

Алексей Кондратьевич Саврасов прожил довольно долгую и очень не простую жизнь. Его, совсем молодого художника, пригласила работать на свою дачу под Санкт-Петербургом сама великая княгиня Мария Николаевна! На берегу Финского залива была создана чудесная картина «Вид в окрестностях Ораниенбаума», за которую художник был удостоен звания Академика! И это в двадцать четыре года! Отказавшись от соблазнительного предложения великой княгини остаться в Санкт-Петербурге под ее покровительством, вернулся в родную Москву. И через несколько лет стал преподавателем в Московском училище живописи и ваяния! Он был еще до того молод, что со своими учениками ощущал себя скорее старшим товарищем. Он таким и остался до конца жизни, несмотря на страшные испытания, несмотря на тяжкие потери, зависть, предательства. Остался большим ребенком, восторженным, наивным, с ранимой и хрупкой, но могучей душой, способной вместить в себя красоту Божьего мира.

Сумел ли Алеша Саврасов подняться по той лестнице — помните? — среди золотистых стволов сосен, ведущей, наверх, к заветной дверке, освещенной радугой? Наверное, сумел... А иначе не было бы чудесного собрания картин великого пейзажиста, самого чуткого,

самого поэтичного художника Алексея Кондратьевича
Саврасова...

ВО ДВОРЕЦ К ЦАРИЦЕ ИСТОРИИ

— Да, мои дорогие, да! Но в музеях хранятся не только картины, созданные художниками! Музеи бывают разные... — голос Сверчка становился все таинственнее и таинственнее. — Музеи политехнические, например, хранящие различные достижения науки и техники. Музеи книги, в которых можно посмотреть на самые первые книги человечества. Дома-музеи, в которых когда-то жили знаменитые люди, и теперь нам можно ознакомиться с их личными вещами, и даже с воздухом, которым они дышали. Но это доступно только тем, кто очень-очень этого хочет!.. Музеи бывают... Правильно! Зоологические, рассказывающие о многообразии животного мира. И музеи музыкальных инструментов! Да-да! Вы все знаете, мои дорогие друзья! — Сверчок стоял на своей каминной полочке и радостным восклицанием встречал каждое музейное название! Красный шарфик и красный берет были при нем. — И даже музей театральных Кукол в театре им. С.В. Образцова! И музей Мыши в городе Мышкине! А есть ли такой музей, в котором живет История? Молодцы! Вы и это знаете! Московский Государственный Исторический музей! Давайте поговорим об этом чудесном доме, который называют уникальным национальным хранилищем Истории России!

Что такое история, мои дорогие мальчики и девочки? Не простая история, рассказанная или услышанная нами, нет! Я говорю о науке. Об исторической нау-

ке! Приходилось ли вам задумываться о том, что такое *история*, дорогие мои?

История это и есть мы с вами! Каждая минутка, только что прожитая нами, уже становится *историей*. Но эту минутку мы еще можем хранить в своей памяти и рассказать о ней или записать. А как же узнать о минутках, прожитых сто лет или даже несколько тысячелетий назад? Кто сохранил их для нас? Наши предки! И поверьте, они очень старались, чтобы мы с вами узнали о том, как они жили и где, что любили, как ели, как спали, как учились... Ведь это же наши с вами предки, а значит, немного и мы с вами. Это наша с вами история, которую просто надо уметь найти и прочитать. Для того чтобы овладеть этим мудреным и чрезвычайно интересным делом, нужно выучиться на историка-археолога и готовиться целыми днями в любую погоду откапывать разные письмена наших древних прародителей и самыми разнообразными способами расшифровывать эти письмена. Так пишется наша *история*. Кстати, письменами могут служить не только береста, глиняные дощечки или папирусы, которые заменяли сегодняшние тетради, блокноты и книги, но и одежда, посуда, жилища и даже черепа и скелеты! Все это может многое поведать, и многое уже поведано...

И, как вы думаете, где живет *история*? Конечно, в нас с вами, мои дорогие. Но если говорить конкретно, точно и *по-научному*, то все найденные письмена наших прародителей поселяются в специальный дом-хранилище, который называется *Историческим музеем*. В Москве он находится прямо на Красной площади. И что это за дом! Взглянешь на него – глаз не оторвешь!

Изящный, с тонкими башенками, стрельчатыми окошечками, украшениями, напоминающими маленькие купола. Этих маленьких куполов много-много, вокруг каждой башенки, над окошечками, над дверями. Самый настоящий Терем — теремок. А рядом встанешь — каждой клеточкой своей ощутишь величие его! Он, словно храм Божий, ввысь стремится, в самые небеса. А дальше... Откроешь двери и попадешь в самый настоящий дворец, где правит царица *История!* Тебя встретят Парадные сени, украшенные, как и полагается во дворце, позолоченными узорами. А дальше — что ни зала, то сюрприз! Из одной залы переходишь в другую. В каждой приветливо встречают своих гостей свидетельства «старины глубокой», расселенные в строгом порядке согласно своему появлению на свет.

Придумали такой чудесный дом архитектор Владимир Осипович Шервуд и инженер Анатолий Александрович Семенов. Их проект победил на конкурсе, который устраивался во имя будущего Исторического музея! А экспонаты расселяли по залам историки-археологи граф Александр Сергеевич Уваров и Иван Егорович Забелин.

Раньше, вообще, никаких музеев не было. Все *исторические* богатства хранились в специальных, никому недоступных местах, охраняемых строгим взглядом ученых-историков. И только в 19 столетии всё-таки решили создать такой дом, в который мог бы прийти любой человек и увидеть собственными глазами бивни настоящего мамонта, жившего в древнейшие времена, еще тогда... тогда, когда еще не было домов, и люди жили в пещерах... когда не было бумаги и люди рисова-

ли на каменных стенах своих пещер... когда не было фабрик, заводов и станков, и люди вручную обтесывали камни, чтобы изготовить инструменты, вручную лепили посуду из глины и украшали ее по собственному вкусу сделанными собственными руками красками, которые сохранились до наших дней... когда не было магазинов, и люди сами добывали себе пропитание опять же с помощью изготовленного оружия из найденного в один прекрасный *исторический* день металла...

Какие они были наши древние предки?! Похожи ли они на нас с вами?! В этом необычном дворце вполне можно об этом поразмышлять. Тихонько побродить из зала в зал... из зала в зал. Не торопясь, внимательно рассмотреть изящные бусы и подвески, которые носили древние женщины и забавные игрушки их детей... Огромный челн, старательно выдолбленный из ствола дерева... Простой, но чрезвычайно удобный деревянный ковшик с ручкой в виде головы лебедя... Потрясающей красоты серебряные булавы, кинжалы, бронзовые светильники, стеклянные кубки, обрамленные золотом, кресла с тончайшей резьбой, будто кружевом украшенные... Все эти богатства хранятся в многочисленных залах этого воистину сказочного дворца....

Должен вам сказать, Царица *История* мудрая правительница. Она обожает гостей. Каждого желающего хоть немного с ней познакомиться она проведет по особому пути. Одному покажет самую настоящую кольчугу и самый настоящий шлем, который носил самый настоящий русский богатырь и еще меч, кованный да золоченый бирюзой изукрашенный, тоже самый настоящий! Другому — книги старинные, на тонкой коже

вместо бумаги тесненные, в золотую оправу одетые и драгоценными камнями усыпанные. А кто-то из вас увидит возок, в котором великий царь Петр Первый зимой разъезжал и так удивится, будто бы возок этот чудо-чудное и диво-дивное! Возок-то царский — самый простой без украшений и затей. Петру Первому не до роскоши было. Он работал без усталости и любил, чтобы вокруг него вещи были простые и удобные. А если кто очень внимательный и усидчивый окажется, тому царица *История* роговой оркестр покажет. Нигде такого не увидишь. Целый оркестр русские мастера изобрели из обычного охотничьего рога! Ай да умельцы! Так и есть оркестр. От крохотного рожка, словно птички трели издающего, до большого рога, производящего звуки басовые. Вот только поиграть на нем вам не разрешат. Экспонаты в музеях трогать нельзя. Сами понимаете, все потрогают — и от уникального *исторического* памятника ничего и не останется! А ведь каждый черепок от глиняного кувшинчика, каждая денежка старинная, каждая статуэточка, древним человеком из камня выдолбленная, это шажки наши с вами в глубину веков. Сколько всего по одному черепку ученый-археолог рассказать может! Кто сделал, да в каком веке, да как... Да, мудра матушка наша царица *История*! Поэтому в гости к ней может придти и седой и бородатый ученый-преученный профессор исторических наук и что-то для себя важное у царицы выведать. Может прийти и пятилетний ребяенок, который даже и не ведаёт ещё о существовании такой чудесной науки и хотя бы тихонько прикоснется к ней. Можем придти и мы с вами, мои дорогие, просто любопытствующие и интересующиеся!

Царица *История* рада всем и щедрости ее нет предела. Откроет свои богатства несметные каждому по его желанию, стремлению и хотению. Кто больше захочет знаний взять – пожалуйста, не стесняйся, бери! Только бы сил хватило! А если силы покинут, а желание останется, царица поможет постепенно забрать, все что сможешь унести. А там... У каждого свой путь... Так вот, мои дорогие!

ГРЕЗЫ О ЗЕМЛЕ И НЕБЕ

— О, как чудесно, мои дорогие друзья, смотреть на небо! По-моему, нет ничего прекраснее. Днем можно наблюдать за облаками, белоснежными, мягкими, пушистыми или серовато-грязными, тяжелыми, но тоже весьма занятными. Вы любите играть в «Угадайку»? Вы не знаете «Угадайку»?! Это когда смотришь на облако и размышляешь – на что или на кого оно похоже...

Сверчок взял свою скрипочку.

— А ночью... Ночь рассыпает на небе тысячи звезд. И все они разные. Волшебно, таинственно и непонятно. Многие тайны уже раскрыты. Но... чем больше мы узнаем о космических пространствах, тем больше загадок возникает. Такой вот парадокс! О человеке, посвятившем жизнь свою этому парадоксу, сегодня мой рассказ.

Хозяйка небольшой прачечной на Немецкой улице, что в Немецкой слободе в Первопрестольном городе Москве, гладила огромным чугунным утюгом очередную простыню и с ужасом ждала прихода своего постояльца. Каждый вечер этот высокий, худой, длинноволосый юноша притаскивал в свою коморку, которую она сдавала ему совсем недорого, всякие непонятные баночки, скляночки, колбы, какие-то таинственные приборы, груды металлолома и еще множество всяких ужасных вещей, которые дымились, воняли и взрывались! Правда, взрывы были маленькие, скорее

взрывчики. Но, все равно, это было ужасно! От каждого она вздрагивала, икала, и совершенно не сомневалась, что в один прекрасный день ее драгоценная прачечная, она сама и все вокруг взлетит на воздух! Но самое подозрительное было то, что он ночами подолгу через длинную трубу смотрел куда-то наверх, на небо, будто ждал чего-то... Измученная тяжелыми думами она от всей души проклинала ту душную июльскую ночь 1873 года, когда извозчик Кузьма привез к ней этого субъекта, смертельно уставшего и голодного. «Вот тебе новый жилец. Он рекомендательное письмо потерял. И адрес запомнил. Куды его девать, ночью-то. Приюти пока. А там видно будет...». Аринушка, а именно так звали хозяйку прачечной, была человеком с добрым сердцем, и дело уладилось в пользу потерявшегося в огромной Москве приезжего бедолаги. А уж когда Аринушка узнала, что он почти ничего не слышит, ее доброе сердце и вовсе растаяло от сочувствия и жалости к бедному мальчику. «Константин Циолковский», — представился «бедный мальчик» и посмотрел на Аринушку. Она оторопела: глаза его светились каким-то странным, чуть отстраненным мерцающим светом, словно звезды... Аринушка тоже любила взглянуть на них сквозь запотевшее кухонное окошко, когда выпадала свободная минутка. Бездонная чернота манила, звезды мерцали, словно хотели о чем-то рассказать...

Так оно и было. Константин Циолковский, остался под кровом прачечной на Немецкой улице и под пристроном сердобольной Аринушки. Будущему великому ученому, гениальному исследователю Космоса, первому изобретателю космической ракеты, беззаветно ве-

рившему в существование иных миров и способности человека свободно путешествовать по этим мирам, было тогда всего лишь шестнадцать лет! Если б не Аринушка, он давно бы умер с голоду. Деньги ему присылались небольшие, но нормально питаться на них было можно. Но он предпочитал книги, библиотеки и разные реактивы для опытов! Вот этого Аринушка никак в толк не могла взять. Чтоб книги читать и взрывы устраивать, надо, прежде всего, силы иметь! И она старалась хоть как-то подкормить беднягу, у которого на еду оставалось всего по девять копеек в день – на черный хлеб и воду. Но принимал он помощь редко и неохотно, считая, недопустимым есть чужой хлеб. «Откуда только силы у этого чудака?!», — удивлялась Аринушка, вздрагивая от очередного взрыва...

В Москву Костю Циолковского отправил отец, потрясенный небывалом стремлением сына ко всякого рода изобретениям. Ведь жили они в маленьком городке. И весь запас домашних книг и местной библиотеки был исчерпан. А надо было идти дальше...

Первое свое открытие Костя Циолковский сделал, когда ему было семь лет. Изучив с помощью маменьки алфавит, он сам догадался, как соединять буквы в слоги, слоги в слова, а слова в предложения. И с этого момента книги стали его лучшими друзьями, особенно когда он по причине болезни потерял слух и не смог учиться в гимназии. Так что с малых лет приучил себя заниматься самостоятельно, что требовало немало силы воли и душевных сил. Костя Циолковский с головой погрузился в этот удивительный мир. Но читал он не только о приключениях и путешествиях. Его интересо-

вало все – Как устроен мир? Что было, когда еще ничего не было? Что там, за небом и где все это кончается? Он рано понял, чтобы попытаться ответить на эти вопросы, нужны годы упорного труда. И Костя стал последовательно по отцовским учебникам учиться. Самостоятельно постигал он тайны и загадки алгебры, физики, химии, биологии, геометрии, философии, анатомии, физиологии, истории, естествознания, литературы! А в свободное время Костя Циолковский любил читать сказки! «Бывало, пряниками не корми, дай сказку послушать...» И даже сам сочинял их. А когда стал дедушкой, то с удовольствием рассказывал их своим внукам. О нашей планете, о солнце, о звездах, о других мирах и их жителях. Ведь больше всего на свете Костя хотел преодолеть земное притяжение и вырваться к звездам...

Отец Эдуард Игнатьевич Циолковский с удивлением и радостью взирал на сына. Ведь Костя все время был занят делом. И если не сидел за очередным каким-нибудь учебником, то чего-нибудь изобретал! Из бумаги и картона он мастерил кукольные домики, коньки, санки, даже часы с гирями. Потом, став постарше, он делал самодвижущиеся коляски и локомотивы. Приводились они в движение спиральной пружиной. А еще ветряные мельницы и коляску с таким ветряным двигателем. И даже работающий токарный станок, на котором можно было обрабатывать деревянные. И еще высотомер, позволявший измерять расстояние до недоступных и дальних предметов. Костя восхищал домашних показом сложных фокусов, для чего изготавливал специальные столики и коробки, в которых вещи то

появлялись, то исчезали. А когда на улице затарахтел игрушечный автомобиль с паровым двигателем, восхищение вышло за пределы дома и охватило дворовых мальчишек. Но самая заветная мечта — Машина с крыльями! — не получалась. Сколько он не старался и чего только не придумывал. Пока успех имел только воздушный змей с прикрепленной к нему гнилушкой, ярко светившейся в темноте. Можно себе представить, какое потрясающее впечатление производил он на местных жителей, свободно паря в ночном небе! Не забывайте, мои дорогие, это была вторая половина девятнадцатого века! Никаких полетов человека в небеса еще не было...

Но Костя всю свою жизнь свято верил, что человек полетит не только в небеса, но дальше, в межгалактические миры. Он знал наверняка, что наша Земля — лишь маленькая частичка, песчинка в огромном океане Космоса. Тогда, в те времена с такими убеждениями и знаниями он слыл сумасшедшим чудаком не только среди обывателей. Ему доставалось и от ученых с дипломами и титулами. Его называли «самоучкой», не печатали его интереснейших статей, не допускали с докладами об изобретениях на собрания научных обществ. Но, вы же понимаете, мои дорогие, что человек, способный *сам* постигать тайны Ее величества Науки, может очень и очень многое! Самоучку Циолковского было не сломить. Не сломили его ни пожары, ни наводнение, уничтожившие большую часть его работ и модели, на создание которых было потрачено столько времени и сил. Он просто работал еще больше и добивался своего. Всегда добивался! Нашлись люди, которые под-

держали его открытия и разработки. Знаменитый физик Александр Григорьевич Столетов, помогавший начинающим ученым, пригласил Циолковского на заседание Общества любителей естествознания. Будущий изобретатель космической ракеты пока рассказывал о дирижабле. Дебют принес большой успех, хотя денег на постройку модели так не выделили...

Но Константин Эдуардович очень хорошо осознавал свое предназначение и продолжал работать. Будучи уже зрелым ученым он разработал модель «аэроплана с металлическим каркасом» — прообраз современных самолетов. Его работа так и называлась «Аэроплан, или Птицеподобная (авиационная) летательная машина». Их, этих изобретений, исследований, размышлений, книг и статей было еще много-много...

А ракета... Ракета, настоящая космическая многоступенчатая ракета, которая могла развить огромную скорость, и постепенно отбрасывая ступени со сгоревшим топливом, вырваться за пределы земной атмосферы, эта ракета была разработана им на чертежах. И это гениально! Потому что наука еще настолько отставала от реальных разработок ученого, что не могла реализовать его замыслы. Просто не было специального оборудования и материалов. На бумаге все было просчитано и продумано, а жизнь шла своим размеренным шагом. И уникальный ученый, мысливший вселенскими масштабами, словно заботливый, любящий мудрый отец оставил нам все свои труды в наследство. Чтобы через полвека по этим чертежам была создана эта самая многоступенчатая ракета с романтическим названием «Восток», и первый храбрец, первый космический путешест-

венник Юрий Алексеевич Гагарин рванул на ней покорять космическое пространство! Пусть всего на один час, но он вырвался на орбиту нашей планеты и облетел вокруг нее!.. И это было грандиозно. Потом были созданы космические орбитальные станции, идея которых опять принадлежит Константину Эдуардовичу. Люди уже побывали на Луне. А автоматические космические аппараты полетели к другим планетам и звездам...

Но это еще только будет. И шестнадцатилетний Костя Циолковский твердо знает это. Поэтому неустанно работает. Днем в библиотеке, ночью в коморке прачечной у Аринушки. И кто знает, может быть иногда, длинными зимними вечерами, он и ей рассказывает сказки о далеких мирах, в которых живут добрые-добрые существа, подобные Ангелам, и помогают нам, своим младшим, таким несовершенным еще собратьям, обитающим на маленькой планете Земля.

Как всегда, ожидая вечера, Аринушка начинала припоминать подробности той памятной ночи. Она вообще не собиралась брать постояльца, и только хотела сказать «нет», но... вдруг увидела необыкновенные огромные голубые глаза юноши. Уловила какой-то чудесный мерцающий свет в них... «Будто звезды на небе...», — подумала Аринушка и, сама себе удивляясь, пошла показывать новому жильцу его коморку с кроватью, столом, одним стулом и крохотным окошком... Иногда, когда ночи были ясные, Аринушка любила смотреть на небо, глядела на звезды в запотевшее кухонное окошечко, и ей казалось, что они что-то ей говорят...

Смычок словно плясал на маленькой скрипочке Сверчка. И танец его был то тревожным и бурным, то нежным и лиричным. Наконец смычок замер. Сверчок медленно положил его рядом со скрипочкой...